

П. С. Тептюк

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КЛАССИЧЕСКОЙ МАКАМЫ

Изучая позднесредневековые макамы на примере сборника макам ал-‘Аббаса (рукопись В 66, датированная приблизительно XVI в., из фонда ИВР РАН [1, ч. 1, с. 18–19; ч. 2, с. 201–202]¹), я столкнулся с тем, что не только научно-популярная литература о макамах, но даже самые авторитетные специализированные исследования, посвященные средневековой и современной арабской литературе, не дают полного представления о развитии жанра макамы в целом. До конца не определенными остаются отличия макамы от других классических жанров арабской литературы и причины столь сильной дифференциации макам классических авторов и их постклассических последователей.

Большинство исследователей, давая определение классической макамы, приводят ее самые явные особенности (изящность стиля изложения, рифмованная ритмизованная проза, стихи, два постоянных героя), однако, по сути, они характерны и для некоторых других арабских жанров, а значит, не могут считаться различительными в полной мере. При этом другие важные для характеристики макамы элементы если и называются, то без должного акцентирования на них внимания и необходимых пояснений.

В арабистике существует кажущееся ясным представление об основополагающих идеях классической макамы, которое препятствует установлению верной оценки роли этого жанра в истории развития арабской литературы и приводит к тому, что западные ученые не вполне обоснованно сравнивают жанр макамы с европейской плутовской новеллой².

Более тщательный анализ элементов классической макамы позволит:

- а) Выявить ее первостепенные отличия от других жанров;
- б) Определить *все* принципы, на которых она была основана, а значит, составить *более полное* представление об истории ее сложения;
- в) понять причину, по которой точка наивысшего расцвета канона макамы, по мнению западных исследователей, обозначила и начало его упадка, проявившегося в творчестве позднейших макамных авторов.

По предлагаемой мной условной историко-литературной классификации макам, помимо классических макам (только ал-Хамазани и ал-Харйри, X–XI век)³, следует выделять макамы постклассические (т.е. написанные после XI и по XIX в. включительно) и современные (т.е. написанные после XIX в.).

Тептюк Павел Сергеевич — аспирант, Институт восточных рукописей РАН, Сектор Ближнего и Среднего Востока; e-mail: sunhealth@yandex.ru

¹ Также см. [2].

² А. Мец, Х. Гибб, Х. Вернет, Дж. Монроу и др.

³ Следует отметить, что в двух последних категориях в виде исключения встречаются макамы и даже целые сборники, которые в принципе можно отнести к классическим, например, тот же сборник ал-‘Аббаса XVI в.

© П. С. Тептюк, 2013

Постклассические макамы в первую очередь отличаются качественные изменения на содержательном уровне — частичное или полное отсутствие в них типичных для классических макамов элементов (далее эти элементы будут представлены в порядке возрастания их «неустойчивости» в постклассических и современных макамах), а также их риторическая направленность с преобладающей в сюжете дидактикой. Макамы, принадлежащие к этой категории, наиболее многочисленны и вместе с тем наименее изучены, особенно это касается макамов позднего средневековья (XV–XVI вв.). Авторы макамов, писавшие после ал-Хамазани и ал-Харйри, за небольшим исключением, обучая, забывают о развлечении читателя, отчего жанр станет в высшей степени серьезным и неограниченным по своей тематике. Подобное изменение произошло, вероятно, по нескольким причинам.

Во-первых, постклассические авторы⁴ не восприняли развлекательный элемент в макамах ал-Хамазани и ал-Харйри в качестве одной из основополагающих черт жанра, делавшей его столь привлекательным и неординарным для среды образованных современников.

Во-вторых, умение сочетать в украшенном риторическими фигурами тексте житейскую дидактику с развлекательностью сюжета требует большого таланта, который, по-видимому, не проявился ни у одного из позднейших авторов в той же степени что и у классиков жанра.

И, наконец, в-третьих, что самое существенное, — недостойное поведение главного героя ал-Харйри и его порой чрезмерно вольнодумные высказывания⁵ шли в разрез с мусульманской моралью, отчего их воспроизведение в манере ал-Харйри было нежелательным для позднейших авторов. Пожалуй, именно это стало непреодолимым препятствием для развития канона, лишив классическую макаму ее двух первоначальных идей, а именно:

а) Низкого в социальном и моральном плане объекта повествования, помещенного в контекст образовательной литературы адаба — уличный плут становится героем образовательной (адабной) литературы (плутовство — дидактика);

б) Образованного главного героя, сочетающего красноречие с вульгарным-аморальным поведением (образованность — порок).

Общеизвестно, что классическую макаму, а это сборники Абū-л-Фадла ал-Хамазани (969–1007) и Абū Мухаммада ал-Харйри (1054–1122), отличает наличие следующих обязательных элементов:

- 1) текст, написанный рифмованной ритмизованной прозой (садж'ем);
- 2) произнесение стихов центральными персонажами;
- 3) риторический или плутовской сюжет;
- 4) традиционная вводная формула в начале каждой макамы, в которой называется имя повествователя, а иногда и имя главного героя⁶;
- 5) обязательное наличие двух вымышленных и постоянных (если речь идет о сборнике макамов) персонажей — повествователя и красноречивого главного героя.

Четвертый элемент из этого списка нуждается в пояснении. Дело в том, что некоторые исследователи макамов придерживаются мнения, что форма традиционной

⁴ То есть все авторы до XIX века, писавшие макамы после ал-Хамазани и ал-Харйри.

⁵ Это касается макамов с плутовским сюжетом (всего 35 в сборнике [3, с. 35]).

⁶ Например, «Харамийская» макама (№ 48) у ал-Харйри [4, с. 181] и все макамы, за исключением одной (№ 2), у ал-Аббаса.

вводной фразы в макамах имитирует исна́д⁷, однако такое суждение неверно по двум причинам. Во-первых, исна́дом в науке о хадисах⁸ называют цепь передатчиков высказываний пророка Мухаммада и его сподвижников, подтверждающих своим авторитетом достоверность предания (хадйса). В макаме мы имеем дело с *вымышленными* событиями и персонажами, которые по своей природе не нуждаются в верификации⁹. Во-вторых, в макамах речь идет о постоянных персонажах историй, поведенных *одним из ее участников*, что уже никак нельзя назвать «цепью передатчиков»: у ал-Хамазанй — «Рассказывал нам Ёса ибн Хишам. Он сказал...»; у ал-Харйрй — «Рассказывал ал-Харис ибн Хаммам ...»; у ал-Аббаса — «Рассказывал Абй-л-Хайр ибн ал-Харис, среди того, что он поведал о Абй-л-Фадле ибн ал-Варисе. Он сказал...».

Таким образом, вводная формула в начале классических макам выполняет единственную функцию — позволяет автору вести рассказ от имени повествователя (т. е. от первого лица) и при этом самому дистанцироваться от повествования, что, при наличии вымысла в тексте, является типичным признаком художественного литературного произведения.

Еще одной особенностью классических макам, на которую хотелось бы обратить внимание, является особое сочетание прозы и стихотворных элементов при свободе художественного вымысла.

В арабских макамах могут быть задействованы три принципа организации художественного текста, выполняющих разные функции:

1) садж' как форма изложения, типичная для ближневосточной литературы (рифмованная ритмизованная проза);

2) стихотворная форма;

3) прозаическая форма, известная западной литературе (нерифмованная проза).

Перечисляя наиболее типичные черты макамного жанра, исследователи непременно упоминают садж' и стихи, но, как правило, упускают из вида встречающиеся в нем нерифмованные прозаические элементы, также играющие важную роль в повествовании. По всей видимости, это связано с тем, что отрезки нерифмованной прозы, встречающиеся в макамах, на первый взгляд воспринимаются лишь как неестественно «разросшиеся» элементы садж'а. Такое впечатление создается от того, что слог нерифмованной прозы макам, окружённой садж'ем, представляется изысканней, чем слог обычной литературной прозы.

Сюжет каждой макамы может содержать от одного до трех смысловых эпизодов (написанных садж'ем со стихотворными вставками), количество которых зависит от типа макамы. Связующим звеном между этими эпизодами могут являться короткие прозаические фрагменты, совершенно не рифмующиеся с окружающим текстом.

Например, у ал-Аббаса¹⁰:

«ثم ناولوني رقعة مكتوباً فيها» (В 66, л. 4а: 13)¹¹.

«و أوردت عليه الأجوبة الرائجة و الكاسدة في تفسير قوله تعالى» (В 66, л. 5а: 4–5).

⁷ См., напр.: [5, с. 46–48, 340; 6, с. 59].

⁸ В более широком смысле, исна́д означает «установившуюся в арабской исторической традиции стереотипную форму ссылок на цепь передатчиков того или иного сообщения: “Рассказал мне такой-то, он сказал: рассказал мне такой-то, он сказал...” и т. д., вплоть до первоисточника, то есть участника или очевидца события — его рассказ передается уже от первого лица» [7, с. 14].

⁹ Например, ал-Харйрй сам сообщает об этом в предисловии к своему сборнику [3, с. 24; 8, с. 16].

¹⁰ См. также, например, у ал-Хамазанй «Стихотворческую макаму» (№ 1); у ал-Харйрй — «Хульванскую» (№ 2).

¹¹ Здесь дается ссылка на номер листа и строки в рукописи В 66 из ИВР РАН.

Кроме того, нерифмованная проза ускоряет переход действия от одного смыслового эпизода к последующему, представляющему, с точки зрения автора, еще больший интерес, что особенно хорошо просматривается в макамах ал-Хамазани. Такой эффект достигается за счет естественного психологического напряжения, возникающего в сознании читателя от контраста при переходе от бегло воспринимаемой рифмованной прозы, составляющей основной текст, к прозе нерифмованной. То есть чередование рифмованной и нерифмованной прозы служит в качестве сюжетного движителя и обозначает переход к более значимым для повествования моментам.

С точки зрения формы одним из неизменных атрибутов макамы является использование в ней рифмованной ритмизованной прозы (садж'а), дополняемой в различной степени стихами. Это объясняется тем, что садж', менее всего предназначенный для использования простой лексики, импонировал авторам макама, стремящимся к демонстрации своего словесного мастерства. Садж' — это проза не просто рифмованная, но и ритмизованная, за счёт чего именно и проявляется её упорядочивающий эффект в тексте.

В классических макамах, встречаются все пять разновидностей садж'а (особого принципа организации рифмующихся отрезков (қарйна)), известных арабской и персидской литературе, которые в отечественной арабистике еще мало изучены:

1. Садж' мутавазй (параллельный садж') — слова совпадают по конечной корневой букве (rāwī), метру (вазн) и рифме (қафийа). По своим особенностям, этот вид наиболее близок к стихотворной рифме: «*فيها سرر مرفوعة و أكواب موضوعة*» (88: 13–14)¹².

2. Садж' мутарраф (концевой садж') — слова совпадают по конечной корневой букве, но различаются метром и рифмой: «*ما لكم لا ترجون لله وقاراً وقد خلقكم أطواراً*» (71: 13–14).

3. Садж' мутавазин (метрический, садж') — слова совпадают только по метру и рифме: «*و النازعات غرقاً و الناشطات نشطاً و السابحات سبحاً و السابقات سبقاً*» (79:1–4).

4. Садж' мурасса' (унизированный садж') — слова совпадают по метру и конечной букве, но различаются по рифме: «*إن إلينا إياهم ثم إن علينا حسابهم*» (88: 25–26).

5. Садж' мутамасил (схожий садж') — слова совпадают по метру, но различаются по конечной букве и рифме: «*و اتيناها الكتاب المستبين و هديناهما الصراط المستقيم*» (37: 117–118).

У авторов-классиков и некоторых их последователей (например, у того же ал-'Аббаса) особенность садж'а заключается в темперированном порядке рифмообразующих элементов, создающем своеобразную мелодику текста при его чтении, а также в стремлении к «уравновешиванию» этих отрезков по количеству слов. В макамах большинства позднейших авторов (особенно современных) этот принцип не выдерживается, а их садж', как правило, представляет собой однотипное повторение слов с рифмующимися окончаниями (садж' мутавазй, реже мутарраф).

Стихи в классических макамах могут служить в качестве продолжения рифмованной прозы, украшенного дополнительными синтаксическими средствами выразительности (характерно для макама ал-'Аббаса) — в этом случае в них описываются те же самые события и обстоятельства, о которых читатель узнаёт ранее из прозаической части текста.

Цитирование поэзии в прозе свойственно многим жанрам арабской литературы и встречается в ней еще с доисламских времен (например, племенные преда-

¹² Здесь и далее в перечне даны ссылки на Коран.

ния «Аййām ал-‘араб», собранные и записанные Абӯ ‘Убайдой (728–825)¹³). В связи с этим невозможно провести четкое разграничение прозы (где господствовал принцип исторической достоверности) и поэзии (где допускался вымысел). То есть принципы отношения литературы к реальности были на стороне прозы, а вымысел, характерный для «высоких» и «низких» жанров поэзии (восхваления (мадх) и его антипод — поношения (хиджā’)), был обусловлен практической необходимостью¹⁴.

В данном случае отличием макама от других жанров является *чередование* поэтических отрывков с сажж’ем в художественном тексте, когда информация, приводимая в рифмованной прозе, может быть продублирована в не менее изящной стихотворной форме. При этом авторы макама отходят от принципа исторической достоверности как в поэзии, так и в прозе. Отсюда возникает свобода в вымысле персонажей и сюжетов макама, нередко приобретающих авантюрно-приключенческий характер. Сюжеты некоторых макама могут быть и вовсе сказочно-фантастическими (см. у ал-‘Аббаса макаму «О жадности и довольстве малым», № 20) — в этом случае в них заметно влияние народной литературы (фольклора и сказок — например, сборника «1001 ночь»), в которой, как и в вышеуказанных жанрах поэзии, всегда имеет место вымысел.

Можно назвать несколько причин, обусловивших популярность классической макамы:

а) В первую очередь, это свобода вымысла в сюжете, необремененная установкой на историческую достоверность, которая позволила авторам без последствий излагать собственные мысли под личиной вымышленных героев, а также демонстрировать собственные лексикографические познания.

б) Разнообразие жанровой специфики макамы, т.е. наличие в ней элементов из других арабских жанров, которое предоставило авторам значительную свободу при выборе литературных сюжетов для своих сочинений;

в) Сочетание изложения в *высоком* стиле историй о проделках образованных мошенников, на наш взгляд, стало одной из важнейших составляющих успеха жанра макамы, несмотря на то, что, как утверждает К. Брокельман, «противоречие между внешним видом персонажей и их красноречием распространенное явление в литературе адаба» [11, с. 108].

Получив наилучшее воплощение в творчестве ал-Харйри, это сочетание вкупе с вышеперечисленными особенностями, позволило макаме к началу XII в. приобрести статус одного из центральных жанров в арабской литературе¹⁵.

Литература

1. Арабские рукописи Института Востоковедения. Краткий каталог / под ред. А. Б. Халидова, Ч. 1–2. М.: Наука: ГРВЛ, 1986. 527, 336 с.
2. Тептюк П. С. Две рукописи макама ал-‘Аббаса (XVI век) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13. 2012. Вып. 2. С. 85–89.
3. Долинина А. А. Арабески: Избранные научные статьи. СПб.: Нестор-История, 2010. 444 с.

¹³ См. предисловие к «Аравийской старине» [9, с. 9].

¹⁴ О концепции правды и вымысла в арабской литературе см.: [10, с. 24–44].

¹⁵ На момент своего зарождения (X в.) макамы считались особым развлечением лишь для небольшого (относительно всего арабоязычного населения халифата) круга знатоков изящной словесности благодаря своему усложненному языку и филологическим изыскам.

4. *ал-Харири*, Абу Мухаммед ал-Касим. Макамы: арабские средневековые плутовские новеллы / пер. В. М. Борисова, А. А. Долининой, В. Н. Кирипиченко. М.: Наука, 1978. 220 с.
5. *Hämeen-Anttila J.* Maqama: a History of a Genre. Wiesbaden: Harrassowitz, 2002. 502 p.
6. *Парижский С. Г.* Соотношение поэзии и прозы в макамах на иврите XII–XIII вв.: дис. ... канд. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 2011. 176 с.
7. *ал-Хамазани* Бади' аз-Заман. Макамы / пер. с араб. А. А. Долининой, З. М. Ауэзовой. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 228 с.
8. *ал-Харири* Абу Мухаммед аль-Касим. Макамы / пер. с араб. В. М. Борисова, А. А. Долининой, В. Н. Кирипиченко. М.: Наука, 1987. 267 с.
9. Аравийская старина. Из древней арабской поэзии и прозы / пер. с араб. А. А. Долининой и Вл. В. Полосина; отв. ред. Б. Я. Шидфар. М.: Наука, 1983. 142 с.
10. *Демидчик В. П.* Мир чудес в арабской литературе XIII–XIV вв.: Закария ал-Казвини и жанр мирабилей. М.: Восточная литература, 2004. 277 с.
11. *Brockelmann C., Pellat Ch.* Maqāma / Encyclopaedia of Islam Vol. VI. Leiden: E. J. Brill, 1986. P. 107–115.

Статья поступила в редакцию 25 июня 2013 г.